

Владимир СИЛКИН

Сирень Победы

Поэзия XXI века

СТИХИ

Владимир Александрович Силкин

Сирень Победы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42354340

Сирень Победы: стихи / Силкин В.А.: Авторское; Белгород; 2017

Аннотация

В книгу лауреата Государственной премии России, дипломанта премии Министерства обороны Российской Федерации в области культуры и искусства, заслуженного работника культуры РФ, секретаря Союза писателей России, Почётного гражданина Рязанской области, начальника военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе Минобороны России Владимира Силкина вошли стихи, посвящённые всем поколениям защитников родного Отечества, военнослужащим, выполнявшим и выполняющим воинский долг за рубежами нашей Родины.

Содержание

За мгновенья	5
На Орловско-Курском направлении	7
Белый танец	8
Брестская крепость	9
Я родился на бывшей Садовой	10
Дедова память	11
В День Победы	12
Домой	13
Дума о Хатыни	14
54-й год	15
Жуков	17
Залив Девкина Заводь	19
Звезда отца	21
Медаль	23
Мемориал «Чёрная гора»	24
Лейтенант	25
Однофамилец	27
«Тихий вечер на дороге...»	29
Окраина	30
Память	32
«По этой тропинке враги не прошли...»	33
О России	35
Последний герой	36

Размышления у монумента «Родина-мать» в Волгограде	38
Сирень Победы	40
Чугунный мост	41
Эшелон	43
Саласпилс	46
Голоса	47
Полк	50
Русский рубеж	53
«А стихи-то ни о чём...»	55
«Ещё луна совьёт гнездо над крышей...»	56
Жене друга	58
Жёны интернационалистов	59
Инвалидная коляска	60
Интервью	62
На Родину	65
Отдых	66
Парадный мундир	67
Разговор	68
Училищный альбом	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Владимир Силкин

Сирень Победы. Стихи

За мгновенья

Двадцать первого был ПХД.
Протирали орудья и танки.
По колено стояли в воде,
Полоская бельё, россиянки.

Но летели по всем проводам
Из Берлина тревожные вести.
Группы армий уже по местам
До команды стояли на месте.

А у Берии были дела,
Но ему постоянно мешали.
Одинокó ходил у стола
В оперсводки не веривший Сталин.

И лежала раскрытой пред ним
Государства огромного карта,
А над нею зловещился дым
От сгоравшего мирного пакта.

Опускался багровый закат,
И граница смотрела сурово.
Трубку мира держала рука
За мгновенья до двадцать второго.

На Орловско- Курском направлении

На Орловско-Курском направлении
Всё без изменения пока,
Пребывают в грустном настроении
Наши и немецкие войска.

Вгрызлись в буераки и пригорки,
Растворились в травы и стога.
Ждут команд: «Вперёд!» – «тридцатьчетвёрки»,
Чтоб свой гнев обрушить на врага.

На войне бывают тоже игры,
Тут уж кто кого перехитрит.
Скоро вспыхнут факелами «тигры»,
Кто-то будет ранен, кто убит.

На Орловско-Курском направлении
Встали две армады, два врага,
И звенит в преддверье наступления
Курская железная дуга.

Белый танец

Двадцать первого июня
Нас последний раз собрал,
Не целованных и юных,
Выпускной, прощальный бал.

Ты идёшь ко мне, смущаясь,
С нас двоих не сводит глаз,
Восхищаясь, и прощаясь,
Наш родной десятый класс.

На лице твоём румянец
Отпечатал этот вальс.
Белый танец, белый танец,
Белый танец кружит нас.

Словно чувствуя тревогу,
Прижимаешься ко мне.
Ах, ты, Ленка, недотрога,
Этот вальс ведёт к войне.

Брестская крепость

В четыре часа просыпается Брестская крепость,
Во всех казематах в бинтах и повязках народ.
Быть может, сегодня звучит это даже нелепо,
Но кто-то незримый командует: «Крепость, вперёд!»

Но кто-то крылатый возносит над крепостью знамя,
Но кто-то безногий бессвязно в атаку зовёт.
Я – крепость, ушедшая в вечность! Я – с вами!
Я – крепость! Стою день, и ночь напролёт.

Хоть смерть каждый миг смотрит мне в изголовье,
Я пули залётной в рассветную рань не боюсь,
Пишу и пишу на груди, истекающей кровью,
Что я умираю, но я просто так не сдаюсь!

Я родился на бывшей Садовой

Я родился на бывшей Садовой,
Мне не снились военные сны.
Только вдовы одни, только вдовы
Проживали здесь после войны.

Никому на земле не мешали,
Поклонялись рассветам они.
Только шали одни, только шали,
Только чёрные шали одни.

Был их хлеб обожжённый невкусен,
И в очах полыхала тоска.
Только грусти одной, только грусти
Накопилось в сердцах на века.

Я родился на бывшей Садовой,
Возвращались домой мужики,
Только вдовы одни, только вдовы,
Отпирали на избах замки.

Дедова память

Память давнишним осколком
Вдруг шевельнётся в ночи.
Я позабыл уже сколько
Дед мой ночами кричит.

Тридцатьчетвёрка из боя
Выйти не может никак.
Дед прикрывает собою
Нас от грядущих атак.

Бьётся на стыке двух армий,
Кровью залита броня.
Смотрит родными глазами
Дед мой в упор на меня.

Всё он из боя не выйдет
Прошлого, страшного дня...
Знать бы, чего он там видит
В свете седого огня...

В День Победы

Грустит гармонь на все лады,
Однополчан зовёт собраться.
– Да где же вы, из той беды
Со мною вышедшие, братцы?

У гармониста мрачный взгляд,
Но он в беду ещё не верит,
За не вернувшихся ребят
Одной ногою землю мерит.

И у Большого в шесть часов
Грустит гармонь, изнемогая,
В кипящем море голосов
Знакомый крик подстерегая.

Домой

Я в места родные еду,
Форма новая к лицу,
Я спешу на День Победы,
На свидание к отцу.

Вот и дом под новой крышей.
— Где ты батя? Будь здоров!
Горько мне, что он не слышит
Ни шагов моих, ни слов.

Постою, в окно не стукну,
Помолчу, слезу смахну.
Протяни мне, батя, руку,
Через страшную войну.

Дума о Хатыни

Я в Хатыни ни разу не был,
Но летит надо мной зола,
Детским плачем вонзаясь в небо,
Ударяясь в колокола.

Тишина и почти несносно
Слышать мне в голубой ночи,
Как надрывно вздыхают сосны,
Как под ними земля кричит.

Может, это (подумать страшно!)
Кулаками в земную твердь
Бьёт обугленный день вчерашний,
Не приемлющий тлен и смерть.

Лето. Сосны. Клекочет аист,
Над землёй распахнув крыла,
И всё кружится, не вживаясь
В мирный день, и летит зола.

54-й год

Пятьдесят четвёртый год.
Девять лет послевоенных.
И прийти настал черёд
Мне на смену убиенных.

Вот я в люльке, на весу,
Словно в шторм большой на море.
Что я маме принесу —
То ли радость, то ли горе?

Мама плачет, от беды
Сохранить меня сумела,
Мама столько лебеды
За войну за эту съела.

И боится за меня —
Лишь бы харч несладкий вынес,
Молит, чтоб, как вся родня,
Я здоровым малым вырос.

Пятьдесят четвёртый год...
Мне сегодня тридцать с лишним.
Всё как надо, жизнь идёт,
И в садах белеют вишни.

Озаряются сердца
Первой чистой любовью...
Я, наверно, весь в отца,
Не любитель многословья.

И к чему они, слова,
Если мир такой зелёный,
И баюкает трава
Двадцать с лишним миллионов.

Пятьдесят четвёртый год...
Посреди чумы и пира
Мне бережь пришёл черёд
Голубые очи мира.

Жуков

По брусчатке, по площади Красной,
Едет Жуков на белом коне.
Всё торжественно, празднично, ясно
И в душе, и в огромной стране.

Ничего, что изрядно устали,
Что не всем вручены ордена.
Улыбается сдержанно Сталин,
На котором большая вина.

Улыбается сдержанно, знает,
Что партийный его псевдоним
На устах у народа витает
И народом безмерно храним.

Только всё-таки Сталину жутко,
Что не он вот на белом коне,
А прославленный Сталиным Жуков
Все итоги подводит войне.

Ничего, он потерпит немного,
Неприемлем на праздник аврал,
Ну а Жукову, значит, дорога
На Одессу, потом на Урал.

Вскоре смолкнут победные марши,
Поутихнет «ура» над Москвой.
Едет Жуков, всего повидавший,
И рискует опять головой.

Залив Девкина Заводь

Памяти Валентина Пикуля

Звёзды в небе устали плавать,
Рады очи закрыть с утра.
По заливу Девкина заводь
Пробиваются катера.

С двух сторон их лупцуют плотно,
Нет спасения от свинца,
Пересчитываются поротно
Не фамилии, а сердца.

На матросах горят тельняшки,
Над заливом восходит дым.
Эх, бедняжки мои, бедняжки!
Не помочь даже криком им.

Катера забирают воду,
Исчезают навек из глаз.
И нигде не отыщешь брода,
Чтоб до цели дойти сейчас.

Всем погибшим – поклон и слава,
Всем оставшимся – ордена.

Над заливом Девкина заводь
Настоящая тишина.

Здесь бушуют ветра и вьюги,
И мгновение до беды.
И застыли безмолвно юнги
У кипящей морской воды.

Звезда отца

В небе звёздам нет конца,
Но далёко где-то
Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.

Горяча иль холодна,
Знать того не знаю.
Много лет горит она,
Нас соединяя.

На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далёкий.

А вокруг свистят шмели.
Или, может, пули?
Если б только мы могли,
То отцов вернули.

Чтоб услышать их сердца,
Чтоб наград коснуться...
Светит мне звезда отца,
Не даёт споткнуться.

Медаль

Памяти Алексея Фатьянова

Венгерский город Секешфехервар,
Изученный танкистами до корки.
Ещё бросок, ещё один удар
И светится медаль¹ на гимнастёрке.

И тут печаль заброшенных полей,
И здесь, как во Владимире, не сладко.
И траурные взгляды матерей
Колонну созерцающих украдкой.

Свистит шрапнель, и празднует война,
Но соловьи уже пируют дома,
Но далека, как звёзды, тишина,
И без тебя в ночи поёт солома.

Танкисты смотрят в сумрачную даль,
А впереди ещё такая свара.
И это не последняя медаль,
Как и бросок до Секешфехервара.

¹ А.И. Фатьянов награждён медалью «За отвагу» за то, что первым на танке ворвался в город Секешфехервар, древнюю столицу Венгрии.

Мемориал «Чёрная гора»

*74-й годовщине освобождения г. Михайлова от
немецко-фашистских захватчиков*

Город Михайлов. Декабрь на дворе.
Вновь неспокойно в мире.
Спят беспробудно на «Чёрной горе»
В общей военной квартире,

Спят беспробудно в Рязанской земле
Дети Отчизны нашей,
Спят и не знают, что сеют хлеб
Выросшие за павших.

И не стираются их имена
С мраморных плит дождями,
И не догадываются, что война
Не разлучила с нами.

Лейтенант

Юрию Бондареву

По горячему давнему снегу
Он идёт сквозь клубящийся дым,
И ступает на берег с разбегу
Лейтенантом совсем молодым.

Смотрит пристально под ноги тракам,
Командирский планшет на плече.
Вот рубеж перехода в атаку,
Вот и время незримое «Ч».

Что там думают вечные боги,
Чем окончится нынешний бой?!
Все поля, все леса, все дороги
Понастроили рвов пред собой.

Одолей их с наскока попробуй,
С тыла, с фланга врага обойди!
Вот и танки становятся ромбом,
Чтобы свет увидеть впереди.

Пушки русские харкают дымом,
Беспощадны к фашистской броне.

До чего ж ты, война, нелюдима!
Что ж ты жить-то привыкла в огне?!

...Тает снег и становится жарче,
Солнце мирное в гости грядёт.
Сквозь беспамятный дым и незрячий
Лейтенант седовласый идёт.

Однофамилец

Памяти Героя Советского Союза Г.П. Силкина

Межигорская Гута,
Правый берег Днепра.
Было наших негусто
В этом месте с утра.

Но, сбивая заслоны,
По октябрьской воде
Шли вперёд батальоны,
Шли навстречу беде.

Ближе к берегу жались.
Там попробуй-ка, тронь,
Перекрёстный, кинжальный,
Пулемётный огонь.

Но залётные пули
Доставали сердца,
И ребята тонули
От свинца, от свинца.

Как Григорий Петрович
Там держался тогда,

Если досыта крови
Нахлебалась вода?

Знаю только, что утром,
Будто впрямь, своего,
Межигорская Гута
Хоронила его.

Ни знакомый, ни дядя,
Но до боли родной,
Он посмертно к награде
Был представлен страной.

...Правый берег днепровский,
Тишина, хоть кричи.
Над могилой берёзки
Словно свечи в ночи.

Золотая погода,
Золотой листопад.
По днепровскую воду
Души павших летят.

«Тихий вечер на дороге...»

Тихий вечер на дороге,
Две берёзы смотрят вслед.
Здесь, в деревне, очень многих
За столом семейным нет.

Забегу и дверь прикрою.
Мама вздрогнет и замрёт.
Вдруг вечернею порою
Дверь отец не отопрёт?

Вдруг, как Фёдор однорукий,
Путь в семью свою найдёт,
Возвратится из разлуки,
Тихо в комнату войдёт?

Ходят ходики упрямо,
Нарушая тишину.
Прижимает к сердцу мама
Нас, не видевших войну.

Окраина

Эх, окраина ты, окраина,
И осталось-то два двора.
Если б не было бабки Раи,
Разобрали б ещё вчера.

Только небушко залазурится
И рассеется темнота,
Бабка Рая сидит и щурится
На дорогу, что вновь пуста.

Только облако пыли серое,
Словно в памятном том году...
Столько лет она в чудо верует.
«Что сидишь?» – спросят.
«Сына жду!...»

Зимы ранние, весны ранние.
То не годы летят, века.
Отыскала же пуля крайнего
В сорок пятом её сынка.

В небо краны вонзились рыжие,
Подрастает красавец-дом.
Только дом с палисадом ближе ей,

Вспоминается о былом.

Бабка Рая на всё согласная,
Но надеется, верит, ждёт,
Что целёхонький в утро ясное
Её мальчик домой придёт.

Эх, окраина ты, окраина,
И осталось-то два двора.
Если б не было бабки Раи,
Разобрали б ещё вчера.

Память

Ещё не все угасли в мире войны,
Ещё в сердца врезается свинец,
И до сих пор ночами беспокойно
Спит в грудь навывлет раненый отец.

Встаёт с постели, пьёт свои таблетки,
И долго курит, выйдя на балкон,
В который раз шагает из разведки
В полёгший в рукопашной батальон.

Ах, память, память... Невозможно это
Всю жизнь свою солдатский крест нести.
Не спит отец, опять шагает где-то,
Бойтся до Победы не дойти.

«По этой тропинке враги не прошли...»

По этой тропинке враги не прошли,
Врагов не приветила Нара.
Мы гнали их с нашей советской земли,
Как волки овечью отару.

Мы так отточили для боя клыки,
Вовек не желавшие крови,
Что шли по горячим снегам на штыки
За слёзы горючие вдовьи.

А как вы хотели?! Нельзя же прощать
Врага, что принёс пепелища,
И мы научились его укрощать,
И брёл он в Европу, как нищий.

Никто на обратном пути не встречал,
Цветы к сапогам не бросали.
И ветер немецкий уныло качал
Солдатские наши медали.

Он плёлся, угрюмый, и только молчал,
Взглянув на российские дали.
И танки сгоревшие всюду встречал,

Что были из крупповской стали.

Ах, сколько же раз говорили о том,
Что трогать Россию не надо,
Тем более, тыкать в Россию мечом,
Тем более, в грудь Сталинграда.

Он шёл, желваками бессильно играл,
И вёрсты бесщётные мерил...
И Бисмарк с печальной ухмылкой взирал
На тех, кто ему не поверил.

О России

Не могу быть залётною птахой,
О России свистеть соловьём,
И отчаянно охать и ахать
При каком-то несчастье своём.

Если мир задыхается гарью,
Если снова кричит вороньё,
Если гибнут хорошие парни
За короткое счастье своё.

Не могу без рябиновых песен,
Без кипящих на солнце берёз,
Без солдатской отваги и чести,
Что мой дед по Европе пронёс.

Если мирно живёт по соседству
Из оглохшей пехоты солдат,
Если вишни, отцово наследство,
Столько лет в тишине шелестят.

Последний герой

В первых числах мая 2011 года СМИ сообщили о том, что в возрасте 110 лет скончался последний участник Первой мировой войны, итальянец.

16 августа 2005 года ушёл из жизни ШОТА ШУРГАЯ, последний Герой Советского Союза, грузин.

А 4 февраля 2015 года 1 канал российского ТВ сообщил о кончине последнего Героя Советского Союза из Литвы Леонида Бородина.

8 декабря 2015 года в Санкт-Петербурге на 94-м году скончался Николай Беяев, последний участник итурма Рейхстага.

Вот ведь жизнь пошла какая:
Разделила, развела.
Слышал, что Шоту Шургая
Смерть неожиданно забрала.

На повозку погрузила
Повезла к себе домой,
Но не знала, что грузина,
Но не знала, что Герой.

А ведь шла за ним по свету,
Где бы только ни бывал.

Шла, когда стране победу
Над фашистом добывал.

Шла сейчас, не чуя груза,
Шла, его перекрестив,
От Советского Союза
Часть Кавказа отломив.

Шла неслышно, как когда-то,
В город скорби и крестов,
Мимо ярких флагов НАТО,
Мимо чьих-то блокпостов.

Вот и в Грузии не стало
Ни Героя за Берлин.
От кремлёвской ниши Сталин
Честь отдал тебе, грузин.

Может, встретитесь когда-то
Чтоб услышать Божий суд,
Если только танки НАТО
По могилам не пройдут.

Размышления у монумента «Родина-мать» в Волгограде

Распрямилась она над курганом,
Повела для замаха плечом,
Не призывно, как кто-то наганом,
А защитно, как Невский, мечом.

Смотрят в завтра солдатские лица
И сердца на излёте стучат.
Из обугленных ртов обелисков
Губы каменно что-то кричат.

Душат память незрячие слёзы
Возле волжских задумчивых вод:
Ни одной престарелой берёзы
Нынче в этих местах не живёт.

Им, наверное, было б несносно
Над могилами петь в синеве,
Где поныне солёные росы
Полыхают огнём по траве.

Каждый дом бы представить к награде,
Кочку каждую, каждую пядь...
Даже камни кричат в Волгограде,

В Сталинград возвращаясь опять.

Сирень Победы

Он прошёл всю войну без ранений,
Так и думал, вернётся живой.
Но в кипящее море сирени
В День Победы упал головой.

И сирень, вот чего не бывало,
Покачнулась, как будто жена,
Неожиданно алою стала,
А была белолицей она.

И сейчас, лишь весна на пороге,
От Берлина до Крыма теперь,
Расцветает сирень у дороги
И стучится кому-нибудь в дверь.

Чугунный мост

Сергею Филимонову

Чугунный мост... Гудят его опоры,
Как ноги, омывает их вода,
Но то и дело в мой любимый город
Идут без опоздания поезда.

Под ним играют солнечные рыбы,
В цветах, как в свадьбу, сочные луга.
Чугунный мост, огромное спасибо,
Что рыбаки обжили берега!

Наверно, есть мосты куда шикарней,
О них трубят порой на всю страну,
Но по нему когда-то наши парни
Из Рязска уезжали на войну.

Рыдает он, что их достали пули,
Что не вернулись в отчие края.
Чугунный мост, стоит как в карауле,
В чугунном сердце боль свою тая.

Свой путь земной он завершит не скоро,
Поёт в пролётах ветер, как труба,

Его опоры – и моя опора,

И грусть моя, и радость, и судьба.

Эшелон

В эшелоне песни пели,
Пили горькое вино,
Даже те, кто не умели,
Подпевали всё равно.

Эшелон, оставив запад,
Торопливо шёл домой,
И витал в теплушках запахах,
Запах Родины самой.

И охрипшая немножко,
Не смолкая ни на миг,
Всё тревожила гармошка
Соплеменников своих.

Тихо звякали медали,
И сходились кружки в круг.
Столько дней Победу ждали,
Да пришла она не вдруг.

Нет, не вдруг, четыре года
Был запущен чернозём.
Сколько нашего народа
Полегло навечно в нём!

Знать не знали, это после
Посчитают и поймут
Сколько горя, сколько боли
Накопилось там, где ждут.

Уходил всё дальше запад,
Обрывая цепь разлук,
И весенний дождик капал
Под вагонный перестук.

В эшелоне было тесно,
И когда вставал состав,
Обрывалась сразу песня,
Веселиться перестав.

И касаясь костылями
Милой, выжженной земли,
Шли к жене, солдаты, к маме
И крепились как могли.

И для них (они-то знали)
Ныне кончилась война,
Что солдатские медали
Раздала уже она.

Что домой придёт немножко
Целых, сильных, молодых,
Что разбитая гармошка

В светлый час всплакнёт о них...

Эшелон дрожал и трогал,
Тормозил то тут, то там,
И трудна была дорога
К милым дедовским местам.

И казалось, право слово,
Опершись на костыли,
Это ратники Донского
От реки Непрядвы шли.

Шли среди лугов зелёных,
По дорогам шли в пыли,
Только двадцать миллионов
С ними рядом – не могли.

Где-то дети голосили,
Всё пугаясь близких гроз,
Но Победа шла в Россию,
Зелена от вдовьих слёз.

Саласпилс

«Здесь стонет земля»

(надпись на латышском языке над входом в мемориал)

Здесь позабыться б долгим сном,
Не видеть этих изваяний.
Но бьёт по сердцу метроном
Сквозь годы и сквозь расстоянья.

Нам гид про лагерь говорит,
Ведёт к гранитным плитам мрачным.
А на руке его горит
Тяжёлый номер шестизначный.

Голоса

*Светлой памяти
всех не вернувшихся с войны*

Обливается сердце кровью —
Золотым – золоты леса.
По бескрайнему Подмоскovie
Снова слышатся голоса.

– Говорят, скоро будет зябко,
Станут ночи ещё темней...
– А на взвод сапоги да шапка,
Проживи целым взводом в ней...

– Что молчишь, старшина Емелин,
Что не нравится мой вопрос?..
– Сколько мы ничего не ели?!..
– Что ж ты ужин-то не привёз?..

– Почтальона опять не видно...
– А за почтой ушёл чуть свет...
– Понимаешь ты, что обидно, —
Мне давно уже писем нет...

– Может дома чего неладно?

Всё случается, всё ж, война...

— А так хочется, так-то надо

Знать как дети и как жена...

— На, Петров, отхлебни из фляжки,

Потерпи, попадёшь домой...

— Ну, куда ты в одной фуражке

Босиком побредёшь зимой!..

— Ты добудь сапоги и форму!..

— Ты дорогу расчистишь домой!..

— Как ты мёртвый пойдёшь до дому?..

— Ты ведь с нами, в земле, живой...

— Только вместе пробьёмся к свету,

Только вместе побьём врага...

— Я забыл, что такое лето...

— Я забыл, как идут снега...

— Лейтенант! Ну, отправь за хлебом,

Я без хлеба уже устал...

— Эх, сейчас бы взглянуть на небо!..

— Может, бой идти перестал?..

— Все возможно и наши близко,

Откопают, терпи, сержант.

Мы с тобою под обелиском,

А другие в грязи лежат.

И найдут их, видать не скоро,
А на днях обещают снег...
– И когда из Мясного бора
Смогут вытащить наших... всех?..

– Хватит! Спать, экономить силы!
Старшина, не пали дрова!..
– Лейтенант, ты скажи, Россия
Всё сражается? Всё жива?..

– Эх, Петров, ты не знаешь меры!
Слышал, пушки в Бородино?
Ты пойми, под землёй без веры
Я бы умер уже давно.

Мы ещё года два протянем,
Не забудет своих страна.
Мы, Петров, поживём, мы встанем!..
Не гаси свечу, старшина!

Полк

Полк решит свою задачу.
Он умрёт, но будет так.
Командир, как час назначен,
Ждёт со всех сторон атак.

А задача в поле чистом —
Ни на шаг не отступить,
Не пустить к Москве фашистов,
Под Москвою их разбить.

Полк, не видевший сраженья,
Принимает первый бой.
Ни резервов, ни снабженья,
Только поле за тобой.

Штаб полка – одни мальчишки,
Нет ни опыта, ни карт,
И всё ближе, ближе вспышки
От мальчишек из-за парт.

Командир кусает губы,
Знает, что-то здесь не так.
Не дымят печные трубы,
Тишина – недобрый знак.

А мороз всю крепчает,
Снег колючий до небес.
Полк замёрзший замечает,
Что полз фашист, полз.

Выполняет полк задачу,
В чистом поле насмерть встал.
И нельзя ему иначе —
Сердце крепче, чем металл.

Командир встаёт с наганом,
А за ним – снега, снега...
В белом полушубке драном
Не пропустит он врага.

Но резервы будут поздно,
Но фашисты не прошли.
И глядят солдаты грозно,
Не отдавшие земли.

Есть такие вот задачи —
На войне любой ценой
Устоять в бою, иначе
Будешь проклят всей страной.

Всей страной и всем народом,
Что давал и пить, и есть,
Что в полях и на заводах

Для врага готовил месть.

Полк не выполнил задачу,
Не пойдёт уже вперёд.
Подмосковный ветер плачет,
Плачет так, что жуть берёт.

Полк погиб, покрыли кровью
Снег фашистские войска.
Полк погиб, но в Подмосковье
В землю вмерз он на века.

Нет, не дрогнули мальчишки,
Нет, никто не побежал,
И всё дальше, дальше вспышки
Полк бессмертный провожал.

Русский рубеж

*На присвоение городу Рязьску Рязанской
области почётного звания «Рубеж воинской
доблести»*

Салют в Москве Берлин затеял рано,
Ведь надо было Рязьск ещё пройти.
Но танковый кулак Гудериана
Упёрся в неприступные пути.

И в это время Сталин вспомнил Бога,
И Кремль икону поднял в синеву —
Рязанская железная дорога
Не пропустила немцев на Москву.

Она тогда на них взглянула косо,
Отдав, что было лучшее, в горсти:
Как ураган бессмертные матросы
Сметали нечисть на своём пути.

Про этот бой страна тогда не знала,
Но вот отсюда начала она
Из крупновского падшего металла
Ковать своим героям ордена.

А Рязск не пал, его железный узел
Врага за горло плотно взял тогда,
Чтобы мужик рязанский – косопузый,
Не знал господ на Хупте никогда.

Есть рубежи, наверное, и круче,
Есть города, где были пыль и прах.
Но Рязск мой жив, и помнит он, и учит,
Что русский дух не знает слова страх.

И пусть враги не верят в эти сказки,
Мы в бой идём с Отчиной на устах,
И точно знаем, в сорок первом в Рязске,
Задолго до Победы пал Рейхстаг.

«А стихи-то ни о чём...»

А стихи-то ни о чём,
Как мы, в общем жили-были...
«Кто придёт на Русь с мечом...»
И случилось, приходили.

А стихи-то ни о чём —
Никакого в строчках прока,
Всё не тает снежный ком —
Всё идут к нам издалёка.

«Ещё луна совет гнездо над крышей...»

Ещё луна совет гнездо над крышей,
Заглянет в гости ранняя звезда,
Когда сквозь стон я голос твой услышу,
Издалека добравшийся сюда.

На батарее кончились снаряды,
Ушли «вертушки» и когда их ждать?
Небритый снайпер рыщет где-то рядом,
Не разучившись в русских попадать.

Смотрю туда, где чей-то ватник тлеет,
Где чьё-то тело начинает тлеть.
Здесь никого никто не пожалеет,
Лишь потому, что некому жалеть.

Вон закопчённый остов бетеэра,
И лейтенант, повисший на броне.
Всё, что осталось, это только вера,
Что нас свои не бросят на войне.

А ты кричишь, и я тебя услышу,
И в полушаге проползёт беда...
Ещё луна взойдёт над нашей крышей,

Заглянет в гости ранняя звезда.

Жене друга

Прошедшей ночью не стреляли
По взводу мужа твоего.
Мы никого не потеряли,
Мы не убили никого.

Кричит петух в Урус-Мартане,
Встаёт, не выспавшись, рассвет.
Но завтра здесь кого-то ранят
Или убьют... А, может, нет.

Тебе опять приснились горы,
Бинты, впитавшие войну.
Ты хоть во сне забудь, что горе
Тебя постигнет не одну.

Поспи ещё, пока мы живы,
Пока ни снайперов, ни мин,
Ведь ранним утром после взрыва
В живых останусь я один.

Жёны интернационалистов

Коляски ставят рядом,
Вязанье достают,
Поскольку с детским садом
Ещё непросто тут.

Ещё с работой туго
И с привозной водой.
И катятся по кругу
Рассказы чередой.

Что долго писем нету,
Что отпуск не дают,
Что их мужья с рассветом
Под пулями встают.

Кричат младенцы в зыбках,
И ветерок свежей,
И в скомканных улыбках
Тревога за мужей.

Инвалидная коляска

Скрип надрывный летит по свету
От колясочки от его.

И страшней того скрипа нету
В мире песенном ничего.

Вроде, встречных не замечая,
Катит, катит себя солдат,
Но глаза его чуть печально
На идущих вокруг глядят.

Но случится, ресницы вздрогнут,
Скрип такой же услышит вдруг,
Может, рядышком на дороге
Кто знакомый иль даже друг?

Так и съедутся две коляски,
Два молчания, две судьбы.
В землю взгляд, словно сдвинут каски
На свои усталые лбы.

Постоят, скажут два-три слова,
И разъедутся кто куда.
И завидев их, вдовы снова
Возвратятся в свои года.

В довоенные, где по двадцать,
Где рябина в лесу горька,
Где ребята учились драться,
Чтоб до крови, наверняка.

Не успели, ушли нежданно,
Пухом русская им земля.
И калекам им были рады бы,
Как вот этим, что вдаль пылят.

Не пропавшие, с горькой метою,
Не винящие никого,
С давней песней своей не спетою
Века страшного моего.

Интервью

– Вы позволите?

– Садись...

Хлопни форточку, продует.

Ты, писатель, не сердись,

До сих пор не отойду я.

У тебя сейчас одно —

Выдать бой на перевале,

И тебе, видать, «окно»

Для моих ответов дали.

Мол, поярче опиши,

Дай динамики и света,

Чтоб величие души

Отпечатала газета.

Я тебе не стану врать,

Не ищи во мне Героя.

У меня жена и мать

Да ещё детишек двое.

И когда я там упал,

(И подумать жутковато!),

Промелькнуло: всё, пропал!

Как они там без меня-то?!

Знаю, думаешь про долг,
Но тогда, на перевале,
Думал, как приду без ног,
Что домой дойду едва ли.

В бетеэре рвал бинты,
И в бреду орал: «В атаку!»
Ну, скажи, а смог бы ты
Пережить такую драку?

Ты прости, я не в упрёк,
Я к тому, что сердце ноет:
На мучения обрёк
Мать и мальчиков с женою.

Я, конечно, не слабак,
Голова как надо варит.
Но не думал, что вот так
Жизнь возьмёт да и ударит.

Мы, конечно, поживём...
Может, слышал, город Шуя?
Не пиши ты ни о чём,
Как солдат тебя прошу я.

Ни к чему, одна возня,
Ни к чему, что в схватке где-то...

Не пиши, майор, с меня
Современного портрета.

Всё как надо, на посту,
По закону и по долгу...
Отвернулся, пустоту
Простынёй прикрыл, как ногу.

На Родину

Не спится ребятам в февральскую ночь,
Но жизнь благосклонна
И к ним, и ползущим на Родину прочь
Озябшим колоннам.

Они в напряженье идут по мосту
И траками лают,
А трассеры плотно летят в пустоту,
Но с гор не стреляют.

Патронов осталось полным-преполно,
Остались и мины...
Но в этих горах, опустевших давно,
Застыли машины.

И зябко, и душно в седом феврале.
Сверкают медали,
Но крови за них мы афганской земле
С лихвой передали.

Отдых

Кроме неба – пустота
И с кулак на небе звёзды.
В эти рыбные места
Помолчать меня завёз ты.

Сел тихонько у костра
И уставился на воду.
Так и слушал до утра
Одичавшую природу.

Щебетал июньский лес,
Шёл подлещик на перловку,
И поскрипывал протез,
Подсекающий неловко.

Я глядел на поплавки
И не мог представить даже,
Как страдало полруки
У тебя под камуфляжем.

Парадный мундир

По росту подобран, приталенный ладно,
В кладовой мундир ожидает парадный.
Нашивки сержантские, знаки отличья,
И фото в нагрудном кармане девичье.

Но нет увольнения и отдыха нету,
И маршам бессонным не видно просвета.
Зовёт и зовёт, поднимая, присяга,
Туда, где бессильна лишь только отвага.

Привал окончательный, видно, не скоро,
Пока по Салангу разносится порох.
И путь возвращенья такой беспроглядный
Туда, где мундир ожидает парадный.

Разговор

– Закваска у ребят не та.
Мы были чуточку проворней...
– И в душах чаще пустота,
И в память не пускают корни...

Один примолк, окурок смяв,
Ну, а другой, подумав малость,
Вдруг рубанул, что начсостав
Порой показывает вялость.

Судили, видимо, правы
И не правы, конечно, где-то,
Две белых-белых головы,
Осыпанных не майским цветом.

Курили два фронтовика
У школы города большого,
Что носит имя земляка
Рожденья шестьдесят шестого.

Училищный альбом

И снова письмо из Ташкента.
И боль в сердце долбится лбом,
И чёрная рамочка-лента
Опять заполняет альбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.